

СВЕТ

Газета православного Прихода храма
святого великомученика и целителя Пантелеимона поселка КУЗЕДЕЕВО
Издаётся по благословению Высокопреосвященнейшего Аристарха,
митрополита Кемеровского и Прокопьевского

№ 58 АПРЕЛЬ 2014 г.

ПРАВОСЛАВИЯ

Христос Воскресе!

В номере:

- ◆ Пасхальные послания с.2
- ◆ Как мы были спасены? с.3
- ◆ Пасхалия до 2020г. с.3
- ◆ Пасха с.4-5
- ◆ История Православной Церкви с.6-8

С Пасхой Христовой!

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

**Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Кирилла
архипастырям, пастырям, диа-
конам, монашествующим и
всем верным чадам
Русской Православной Церкви**

Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, всечестные пастыри и диаконы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

В сей нареченный и святой день, когда мир, видимый же весь и невидимый (см. канон Св. Пасхи), прославляет Начальника жизни и смерти Победителя, сердечно приветствую всех вас пасхальным восклицанием:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Из года в год благая весть о Воскресении победно звучит, побуждая нас воздать хвалу Богу и Спасителю, смертью смертью поправшему и соделавшему нас причастниками грядущей вечной жизни.

Празднуя этот *праздников праздник и торжество торжеств*, мы с особым духовным чувством вспоминаем искупительный подвиг Спасителя мира, Его крестные страдания и светлое Воскресение. Пасха — это не какая-то красивая легенда, не теоретическое богословие и не дань установившемуся в далеком прошлом народному обычаю. Это — самая суть и ядро христианства. Это — победа, дарованная нам Богом.

Со времен апостолов и доныне Церковь проповедует о Воскресении Христа как о величайшем чуде в истории человечества. Она говорит об этом чуде не только как о Евангельском факте, но — что особенно важно — как о судьбоносном событии для всех, кто принял пасхальное благовестие. Данный праздник имеет самое непосредственное отношение к каждому из нас, ибо Воскресение Христово, совершенное Господом искупление падшего мира — это самая большая радость, которую может испытывать человек. Как бы сложна ни была наша жизнь, какие бы житейские невзгоды нас ни обуревали, какие бы скорби от людей и несовершенства окружающего мира мы ни терпели, — все это ничто по сравнению с той духовной радостью, с той надеждой на вечное спасение, которое дарует нам Бог.

По слову апостола Павла, *Воскресивший Христа из мертвых оживит и наши смертные тела Духом Своим, живущим в нас* (см. Рим. 8, 11).

В светлый день Воскресения Хри-

стова души миллионов верующих преисполняются благодарности Творцу, и наше земное бытие обретает подлинный смысл. Пасха Христова является великим торжеством жизни, торжеством победы над смертью, несущим любовь, мир и духовное преображение.

Празднованием Пасхи мы всякий раз как бы открываем новый период в своей жизни, ибо Воскресший Господь обновляет человеческое естество, укрепляет в испытаниях, дает силы для совершения благих дел.

Пасхальная весть, изменившая весь последующий ход мировой истории, побуждает нас к нравственному преображению и духовному обновлению, которые так необходимы современному обществу. Она напоминает всем людям об истоках христианства, а также о грядущем вечном Царстве, где *«будет Бог всяческая во всех»* (1 Кор. 15, 28).

В светлые дни пасхального торжества мы призваны поделиться нашей радостью со своими родными и близкими, проявить к ним деятельную любовь и милосердие. Такова освященная веками традиция, следуя которой, мы свидетельствуем о своей причастности к наследию Христову и вере в то, что воистину воскрес Господь.

Ныне, как и прежде, Русская Православная Церковь с усердием совершает свою спасительную миссию, неустанно возвещая правду Божию, утверждая непреходящее значение евангельских заповедей, призывая к миру и согласию, служа духовному единению народов, проживающих в странах пастырской ответственности Московского Патриархата.

Наша особая молитва сегодня — о народах России и Украины, о том, чтобы воцарился мир в умах и в сердцах братьев и сестер по крови и по вере, чтобы восстановились утраченные связи и

столь необходимое сотрудничество.

Возвещая *превосходящую разумение любовь Божию* (см. Еф. 3, 19), христианство объединяет людей, преодолевая национальные, культурные и государственные границы, ибо *свет Христов просвещает всех* (см. Ин. 1, 9).

Воскресший Господь да дарует всем нам с пользой для души продолжать земное странствование, памятуя о высокой христианской ответственности и призвании созидать в себе и окружающих твердую веру, искреннюю любовь и непоколебимую надежду. Пусть радость этого праздника укрепляет и вдохновляет нас на совершение добрых дел, дает нам мужество и силы посреди бушующих волн житейского моря хранить выдержку и спокойствие, противостоять соблазнам и искушениям, преодолевать, по слову преподобного Сергия Радонежского, *ненавистную рознь мира сего*.

Возсиявший от Живоносного гроба свет славы Христовой да пребудет с нами и да озарит наши сердца, простираясь на ближних и дальних, на всех, кто будет нуждаться в нашем внимании и поддержке.

Поздравляя всех вас с великим праздником Святой Пасхи, молитвенно желаю щедрых духовных даров, телесной крепости и благодатной помощи свыше в победном шествии за Христом. Аминь.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Москва, Пасха Христова, 2014 год

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

**Высокопреосвященнейшего
Аристарха,
митрополита Кемеровского и
Прокопьевского,
Главы Кузбасской митрополии
всем верным чадам
Русской Православной Церкви
в Кузбассе!**

*«Никто не бойся смерти, ибо освободила нас Спасова смерть!»
(Святой Иоанн Златоуст)*

Возлюбленные о Господе боголюбивые пастыри, иноки и инокини и все верные чада Русской Православной Церкви в Кузбассе!

Благоволением Божиим во всем православном мире сегодня «радость велия», в сердцах христиан вновь звучат слова, с которых началась апостольская проповедь:

Христос Воскресе!

Вечная жизнь — вот глубочайший смысл Воскресения Христова! Только в таком случае вся евангельская история, начиная от Вифлеемских яслей и до Голгофского креста, представляется нам в совершенно ином, лучезарном свете. Мы ясно увидим,

что в истине о Воскресшем Спасителе разрешается глубочайшая и всеобъемлющая жизненная проблема, проблема борьбы добра и зла, истины и лжи, проблема жизни и смерти.

Христос говорил о Себе, что Он есть путь и истина и живот (Ин. 14, 6). Какой смысл имели бы эти слова, если бы не было Христова воскресения? Они были бы или легкомысленным самообманом или чудовищным обманом. Только в свете воскресения Христова они полу-чают свой глубочайший смысл.

Христос есть путь, единственный верный, приводящий к высшему благу. Это есть путь высокого нравственного подвига, самоотречения, всецелой преданности воле Божией, самоотверженной любви. Воскресение Христово есть необходимое следствие нравственного смысла Христовой жизни, Его нравственной правды. Воскресение увенчивает и вместе с тем оправдывает тот путь жизни, который указан человечеству и воплощен в жизни Иисуса Христа.

Христос есть истина. Стремление к истине неиско-ренимо в человеке. Ради нее человек отказывается от покоя, презирает блага жизни, пренебрегает здоровьем, жертвует даже самой жизнью своей. Нелегко дается она человечеству, и иногда долго блуждает человек в бесплодных ее поисках. Мрак заблуждений, туман сомнений часто скрывают от человека ее светлый лик или до неузнаваемости искажают его. Но несокрушима сила истины, и, временно затемненная, она в конце концов предстает взору человека во всем своем величии

и чистоте. Воскресение Христа — торжество истины.

Смерть Христа есть суд над князем мира сего, есть непререкаемое и глубочайшее свидетельство отступления человека от правды, показатель греховности человека, свидетельство того, что самая правда мирская есть ложь. Если бы Христос не воскрес, то это было бы торжеством неправды, лжи, попранием истины. С этим не может помириться человеческий разум и нравственное чувство. Таким образом, воскресение Христа становится требованием нравственного сознания и естественным завершением евангельской истории.

Христос есть Жизнь. Христос много раз говорил о Себе как носителе жизни и воскресения, как источнике жизни для верующих в Него, как о вечной, нескончаемой жизни (Ин. 5, 26-, 6, 35 и др.). Но эти речи Его были непонятны не только слушающему Его народу, но и ученикам. Их смысл открылся только в воскресении Христа.

Воскресение Христа воочию показало апостолам, что Он действительно Владыка жизни и Победитель смерти, что *«Он расторгнул узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его»* (Деян. 2, 24). Почему же невозможно? Потому что смерть имеет силу только над телом душевным. Душевное тело тленно, уничтожено, немощно. По словам же апостола Петра, Иисус Христос, быв умерщвлен по плоти, ожил духом (1 Петр, 3, 18). Дух есть божественное начало жизни. Духовное тело нетленно, славно, сильно. Неоднократно проявлялись эти свойства во время земной жизни Спасителя и во всем величии обнаружались в Его воскресении. Душевное тело мы получили от Адама, дух

имеем от Христа. Адам есть родоначальник нашей душевно-телесной жизни, которая оканчивается смертью. Христос есть родоначальник нашей духовной жизни, которая смерти не подлежит. Воскресение Христа и было торжественным явлением миру этой вечной духовной жизни в преображенном и прославленном теле. Так, *«Воскресе Христос, и жизнь жительствует»*.

Благодарю архипастырей и пастырей Кузбасской митрополии, которые усердно совершают свое служение, укрепляя людей в вере и помогая им в испытаниях. Благодарим Губернатора и Администрацию Кемеровской области и православный народ Кузбасса за вашу любовь к Церкви Христовой, за молитвенную поддержку, которую мы, служители алтаря Господня, ощущаем постоянно.

От всего сердца поздравляю вас, *возлюбленные отцы, братья и сестры*, с праздником Светлого Христова Воскресения! Воскресший Господь да благословит все благие намерения наши, дарует всем нам, нашему богоспасаемому краю благоденственное и мирное житие!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ !

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!

Аристарх

Митрополит Кемеровский и

Прокопьевский,

Глава Кузбасской митрополии

Пасха Господня 20 апреля 2014
г. град Кемерово

Как мы были спасены?

Юрий Рубан

человека, оно не может ограничиться лишь сферой земной жизни, но требует для себя веры в загробную жизнь и воскресение, веры в «будущий мир», где оно завершится. Эту веру выражают библейские авторы II в. до н. э. (Дан 12:2-3; 2 Макк 7:9 сл.; 14:16). Такое целостное спасение – свободный дар Бога, Который (в Своей единственности) является не просто Богом, могущим *иногда*, по Своему произволению, сообщить кому-либо спасение, но Он Сам по Своей сущности – «Спаситель» для верующих в Него (Псалом 26:1-2; 50:16; 78:9; Сирах 51:1).

Всеобъемлющее спасение не могло быть достигнуто в истории древнего («ветхого») союза-завета, заключенного Богом с одним народом и имевшего характер временный и подготовительный: при наступлении «полноты времен» (Гал 4:4) он сменяется новым союзом со всем человечеством и на все времена. Ранее Бог подготавливал и через пророков возвещал, теперь же совершил спасительное для всех воплощение Своего Сына («Она родит Сына, и ты назовешь Его Иисусом, потому что Он спасет Свой народ от грехов», – Мф 1:21). Неудивительно, что синонимом Его личного имени Иисус (греческая пе-

редача евр. *Иешуа* – «Бог спасает») и как бы вторым именем становится слово Спаситель (греч. *Сотэр*, слав. Спась). Учитывая значение греческого слова *сотериа*, термин *Спаситель* можно перевести как *Целитель* и *Врач*.

Православное богословие рассматривает приход Бога в мир людей как искупительное средство врачевания от пагубных последствий грехопадения. «Если кто-либо из неверных спросит тебя: Для чего был распят Христос?», – то ответь ему: «Дабы распять диавола». А если скажет тебе: «Зачем Господь был повешен на древе?», – то скажи: «Дабы изгнать грех, проникший в рай через древо. <...> Человеколюбец Иисус восхотел врачевать Свое создание и для нас претерпеть всё, дабы избавить нас от осуждения».

Своими собственными силами человек не мог преодолеть глубочайшее отчуждение от Бога, ибо страшный удар (грехопадение) расколол его естество сверху до низу – от высшего сознания до телесной природы. Сохранив в себе, как основу своего существа, образ Божий, человек утратил способность осуществить в себе подобие Божие. Поразившая человечество болезнь оказалась смертельной: накапливаю-

щееся в мире зло вело его к окончательной гибели. Теперь исцеление и спасение зараженных грехом потомков Адама означало по существу новое творение человека. Оно совершилось через крестный подвиг Сына Божия, восприявшего в Себя всю полноту психофизической природы человека и ставшего «Вторым Адамом», имевшим силы восстановить в первоначальном достоинстве природу Первого Адама» (т. е. всего человечества). Умерев плотью, Он умертвил с Собой и всю ветхозаветную (смертельно большую) человеческую природу. Воскреснув затем в той же реальной плоти (Лк. 24:39), Он воскресил с Собой к новой жизни и всю человеческую природу, сообщив ей потенциальную способность к просветлению и обожению (греч. *тэосис*).

Важно учитывать, что первый христианский ученый богослов, ап. Павел, говоря о т. н. «предопределении», «имеет в виду *только спасаемых* (Рим 8:29-30; Еф 1:5, 11), но отнюдь не погибающих. Никогда и нигде он не говорит о предопределении к гибели. <...> Бог "хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" (1 Тим 2:4), и предопределение ко спасению следует понимать как выражение непре-

клонной воли Божией сделать всё необходимое для спасения тех, кто хорошо пользуется своей свободной волей».

После вознесения Иисуса Христа новая человеческая природа (через нерасторжимую связь со Вторым Лицом Святой Троицы) оказывается воспринятой в глубины внутрибожественной жизни. «Человека, который был ниже камней, Христос поставил выше ангелов, архангелов, престолов, господств» (Св. Иоанн Златоуст. Толкование на Послание к Колоссянам, 5). Перспектива человеческой участи уходит вверх и в бесконечность, которая есть Бог: «Возлюбленные! Мы теперь дети Божьи; но ещё не открылось, что будем!» – в восторге восклицает апостол Иоанн (1 Ин 3:2).

Этот положительный аспект идеи спасения лежит в основе динамичной христианской цивилизации, стремящейся создать предельно возможные условия для свободного развития постоянно совершенствующихся социальных институтов и конкретной личности, и в конечном итоге определяет собой понятие «прогресса».

<http://azbyka.ru/days/p-pasha-istorija-bogosluzhenie-tradicii>

Календарь празднования Пасхи и переходящих праздников на 2014-2020 годы (даты указаны по новому стилю)

Год	Прощеное воскресенье	Вход в Иерусалим	Пасха	Вознесение Господне	Троица	Петров пост
2014	2 марта	13 апреля	20 апреля	29 мая	8 июня	26 дней
2015	22 февраля	5 апреля	12 апреля	21 мая	31 мая	34 дня
2016	13 марта	24 апреля	1 мая	9 июня	19 июня	15 дней
2017	26 февраля	9 апреля	16 апреля	25 мая	4 июня	30 дней
2018	18 февраля	1 апреля	8 апреля	17 мая	27 мая	38 дней
2019	10 марта	21 апреля	28 апреля	6 июня	16 июня	18 дней
2020	1 марта	12 апреля	19 апреля	28 мая	7 июня	27 дней

П А С Х А (ИЗ КНИГИ «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»)

Иван Шмелев

Пост уже на исходе, идет весна. Прошумели скворцы над садом, — слышал их кучер, — а на Сорок Мучеников прилетели и жаворонки. Каждое утро вижу я их в столовой: глядят из сухарницы востроносые головки с изюминками в глазках, а румяные крылышки заплетены на спинке. Жалко их есть, так они хороши, и я начинаю с хвостика. Отпекли на Крестопоклонной маковые «кресты», — и вот уж опять она, огромная лужа на дворе. Бывало, отец увидит, как плаваю я по ней на двери, гоняюсь с палкой за утками, заморщится и крикнет:

— Косого сюда позвать!..

Василь Василич бежит опасно, стреляя по луже глазом. Я знаю, о чем он думает: «Ну, ругайтесь... и в прошлом году ругались, а с ней все равно не справиться!»

— Старший прикащик ты — или... что? Опять у тебя она? Барки по ней гонять?!

— Сколько разов засыпал-с!.. — оглядывает Василь Василич лужу, словно впервые видит, — и навозом заваливал, и щебнем сколько транбовал, а ей ничего не делается! Всосет — и еще пуще станет. Из-под себя, что ли, напускает?.. Спокон веку она такая, теплая... Да оно ничего-с, к лету пообсохнет, и уткам природа есть...

Отец поглядит на лужу, махнет рукой. Кончили возку льда. Зеленые его глыбы лежали у сараев, сияли на солнце радугой, синели к ночи. Веяло от них морозом. Ссаживая коленки, я взбирался по ним, до крыши, сгрызая сосульки. Ловкие молодцы, с обернутыми в мешок ногами, — а то сапоги изгадишь! — скатили лед с грехотом в погреба, завалили чистым снежком из сада и прихлопнули накрепко творила.

— Похоронили ледок, шабаш! До самой весны не встанет!

Им поднесли по шкалику, они покрякали:

— Хороша-а... Крепше ледок скипится.

Прошел квартальный, велел мостовую к Пасхе сколоть, под пыль! Тукают в лед кирпичами, долбят ломами — до камушка. А вот уж и первая пролетка. Бережливо пошатываясь на ледяной канавке, сияя лаком, съезжает она на мостовую. Щеголь-извозчик крестится под-новинку, поправляет свою поярку и бойко катит по камушкам с первым, веселым стуком.

В кухне под лестницей сидит серая гусыня-злюка. Когда я пробегаю, она шипит по-змеинному и изгибает шею — хочет меня уклонуть.

Скоро Пасха! Принесли из амбара «паука», круглую щетку на шестике, — обметать потолки для Пасхи. У Егорова в магазине сняли с окна коробки и поставили карусель с яичками. Я подолгу люблюсь ими: кружатся тихо-тихо, одно за другим, как сон. На золотых колечках, на алых ленточках. Сахарные, атласные... В булочных — белые колпачки на окнах с буквами — Х. В. Даже и наш Воронин, у которого «крысы в квашне ночуют», и тот выставил грязную картонку: «Принимаются заказы на куличи и пасхи и греческия бабы!» Бабы?.. И почему-то греческие! Василь Василич принес целое ведро живой рыбы — пескариков, налимов, — сам

наловил наметкой. Отец на реке с народом. Как-то пришел, веселый, поднял меня за плечи до соловьиной клетки и покачал.

— Ну, брат, прошла Москва-река наша. Плоты погнали!.. — И покрутил за щеку.

Василь Василич стоит в кабинете на порожке. На нем сапоги в грязи. Говорит хриплым голосом, глаза заплыли.

— Будь покойны-с, подчаливает... к Пасхе под Симоновым будут. Сейчас прямо из...

— Из кабака? Вижу.

— Никак нет-с, из этого... из-под Звенигорода, пять ден на воде. Тридцать гонок березняку, двадцать сосны и елки, на крылах летят-с! И барки с лесом, и... А у Паленова семнадцать гонок вдрызг расколотило, вроссыпь! А при моем глазе... у меня робята природные, жиздринцы!

Отец доволен: Пасха будет спокойная. В прошлом году заутреню на реке встречали.

— С Кремлем бы не подгадить... Хватит у нас стаканчиков?

— Тыщонек десять набрал-с, доберу! Сала на заливку куплено. Лиминацию в три дни облепоруем-с. А как в приходе прикажете-с? Прихожане летось обижались, лиминации не было. На лодках народ спасали под Доргомиловом... не до лиминации!..

— Нонешнюю Пасху за две справим!

Говорят про щиты и звезды, про кубастики, шкалики, про плоски... про какие-то «смолянки» и зажигабельные нитки.

— Истечение народа будет!.. Приман к нашему приходу-с.

— Давай с ракетами. Возьмешь от квартального записку на дозволение. Сколько там надо... понимаешь?

— Красную ему за глаза... пожару не наделаем! — весело говорит Василь Василии. — Запускать — так уж запускать-с!

— Думаю вот что... Крест на кумполе, кубастиками бы пунцовыми?..

— П-маю-с, зажжем-с. Высоконько только?.. Да для божьего дела-с... воздаст-с! Как говорится, у Бога всего много.

— Щит на кресте крепить Ганьку-маляра пошлешь... на кирпичную трубу лазил! Пьяного только не пускай, еще сорвется.

— Нипочем не сорвется, пьяный только и берется! Да он, будь покойны-с, себя уберет. В кумполе лючок слуховой, под яблочком... он, стало быть, за яблоко причепится, захлестнется за шейку, подберется, ко кресту вздрочится, за крест зацепится-захлестнется, в петельке сядет — и качай! Новые веревки дам. А с вами-то мы, бывало... на Христе Спасителе у самых крестов качали, уберет Господь.

Прошла «верба». Вороха роз пасхальных, на иконы и куличи, лежат под бумагой в зале. Страстные дни. Я еще не говею, но болтаться теперь грешно, и меня сажают читать Евангелие. «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду...» Я не могу понять: Авраам же мужского рода! Прочтешь страничку, с «морским жителем» поиграешь, с вербы, в окно засмотришься. Горкин пасочницы как будто делает! Я кричу ему в форточку, он мне машет.

На дворе самая веселая работа: сколачивают щиты и звезды, тешут планочки для — Х. В. На приступке сарая, на солнышке, сидит в полушубке Горкин, рукава у него съезжены гармоньей. Называют его — «филенщик», за чистую работу. Он уже не работает, а так, при доме. Отец любит с ним говорить и всегда при себе сажает. Горкин поправляет пасочницы. Я смотрю, как он режет кривым резачком дощечку.

— Домой помирать поеду, кто тебе резать будет? Пока жив, учись. Гляди вот, винограды сейчас пойдут...

Он ковыряет на дощечке, и появляется виноград! Потом вырезает «священный крест», иродово копье и лесенку — на небо! Потом удивительную птичку, потом букочки Х. В. Замирая от радости, я смотрю. Старенькие у него руки, в жилках.

— Учись святому делу. Это голубок, Дух-Свят. Я тебе, погоди, заветную вырежу пасочку. Будешь Горкина поминать. И ложечку тебе вырежу... Станешь щи хлебать — глядишь, и вспомнишь.

Вот и вспомнил. И все-то они ушли...

Я несущу от Евангелий страстную свечку, смотрю на мерцающий огонек: он святой. Тихая ночь, но я очень боюсь: погаснет! Донесу — доживу до будущего года. Старая кухарка рада, что я донес. Она вымывает руки, берет святой огонек, зажигает свою лампадку, и мы идем выжигать кресты. Выжигаем над дверью кухни, потом на погребнице, в коровнике...

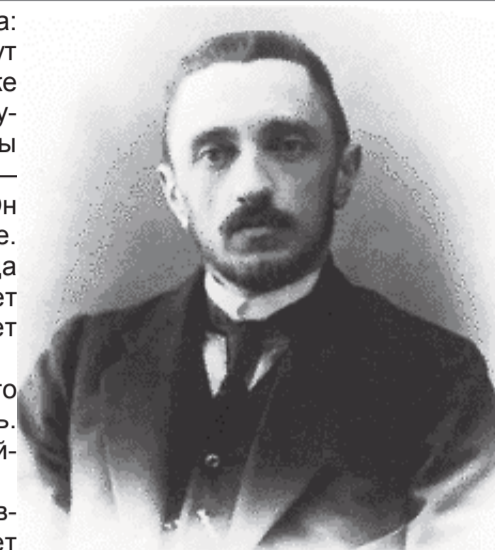
— Он теперь никак при хресте не может. Спаси Христос... — крестясь, говорит она и крестит корову свечкой. — Христос с тобой, матушка, не бойся... лежи себе.

Корова смотрит задумчиво и жует.

Ходит и Горкин с нами. Берет у кухарки свечку и выжигает крестик над изголовьем в своей каморке. Много там крестиков, с прежних еще годов.

Кажется мне, что на нашем дворе Христос. И в коровнике, и в конюшнях, и на погребнице, и везде. В черном крестике от моей свечки — пришел Христос. И все — для Него, что делаем. Двор чисто выметен, и все уголки подчищены, и под навесом даже, где был навоз. Необыкновенные эти дни — страстные, Христовы дни. Мне теперь ничего не страшно: прохожу темными сенями — и ничего, потому что везде Христос.

У Воронина на погребнице мнут в широкой кадушке творог. Толстый Воронин и пекаря, засучив руки, тычут красными кулаками в творог, сыплют в него изюму и сахарку и проворно вминают в пасочницы. Дают попробовать мне на пальце: ну, как? Кисло, но я из вежливости хвалю. У нас в столовой толкут миндаль, по всему дому слышно. Я помогаю тереть творог на решете. Золотистые червячки падают на блюдо, — совсем живые! Протирают все, в пять решет: пасох нам надо много. Для нас — самая настоящая, пахнет Пасхой. Потом — для гостей, парадная, еще «маленькая» пасха, две людям, и еще — бедным родственникам. Для народа, человек на двести, делает Воронин под присмотром

Василь Василича, и плотники помогают делать. Печет Воронин и куличи народу.

Василь Василии и здесь, и там. Ездит на дрожках к церкви, где Ганька-маляр висит — ладит крестовый щит. Пойду к Плащанице и увижу. На дворе заливают стаканчики. Из амбара носят в больших корзинах шкалики, плоски, лампионы, шары, кубастики — всех цветов. У лужи горит костер, варят в котле заливку. Василь Василич мешает палкой, кладет огарки и комья сала, которого «мышь не ест». Стаканчики стоят на досках, в гнездышках, рядками, и похожи на разноцветных птичек. Шары и лампионы висят на проволоках. Главная заливка идет в Кремле, где отец с народом. А здесь — пустяки, стаканчиков тысячка, не больше. Я тоже помогаю, — огарки ношу из ящика, кладу фитили на плоски. И до чего красиво! На новых досках, рядочками, пунцовые, зеленые, голубые, золотые, белые с молочком... Покачиваясь, везнат друг в дружку большие стеклянные шары, и солнце пускает зайчики, плющится на бочках, на луже.

Ударяют печально, к Плащанице. Путається во мне и грусть, и радость: Спаситель сейчас умрет... и веселые стаканчики, и миндаль в кармашке, и яйца красить... и запахи ванили и ветчины, которую нынче запекли, и грустная молитва, которую напевает Горкин, — «Иуда не-че-сти-и-вий... си-рибром помрачи-и-ися...» Он в новом казакинчике, помазал сапоги дегтем, идет в церковь.

Перед Казанской толпа, на купол смотрят. У креста качается на веревке черненькое, как галка. Это Ганька, отчаянный. Толкнется ногой — и стукнется. Дух захватывает смотреть. Слышу: картуз швырнул! Мушкой летит картуз и шлепает через улицу в аптеку.

Василь Василич кричит:

— Эй, не дури... ты! Стаканчики прймай!..

— Дава-ай!.. — орет Ганька, выдывая ногами штуки.

Даже и квартальный смотрит. Подкатывает отец на дрожках.

— Поживей, ребята! В Кремле нехватка... — торопит он и быстро взбирается на кровлю.

Лестница составная, зыбкая. Лезет и Василь Василич. Он тяжелей отца, и лестница прогибается дугою. Поднимают корзины на веревках. Отец бегаёт по карнизу, указывает где ставить кресты на крыльях.

Ганька бросает конец веревки, кричит: «Давай!» Ему подвязывают кубастики в плетушке, и он подтягивает к кресту. Сидя в петле перед крестом, он уставляет кубастики. Поблескивает стеклом. Теперь самое трудное: прогнать зажигательную нитку. Спорят: не сделать одной рукой, держаться надо! Ганька привязывает себя к кресту. У меня кружится голова, мне тошно...

— Готова-а-а!.. Прймай нитку-у!..

Сверкнул от креста комочек. Говорят — видно нитку по куполу! Ганька скользит из петли, ползет по «яблоку» под крестом, ныряет в дырку на куполе. Покачивается пустая петля. Ганька уже на крыше, отец хлопает его по плечу. Ганька вытирает лицо рубахой и быстро спускается на землю. Его окружают, и он показывает бумажку:

— Как трещины-то охватывают!

Глядит на петлю, которая все качается.

— Это отсюда страшно, а там — как в креслах!

Он очень бледный. Идет, пошатываясь.

В церкви выносят Плащаницу. Мне грустно: Спаситель умер. Но уже бьется радость: воскреснет, завтра! Золотой гроб, святой. Смерть — это только так: все воскреснут. Я сегодня читал в Евангелии, что гробы отверзлись и многие тела усопших святых воскресли. И мне хочется стать святым, — наворачиваются даже слезы. Горкин ведет прикладываться. Плащаница увита розами. Под кисеей, с золотыми херувимами, лежит Спаситель, зеленовато-бледный, с пронзенными руками. Пахнет священо розами.

С притаившейся радостью, которая смешалась с грустью, я выхожу из церкви. По ограде навешаны кресты и звезды, блестят стаканчики. Отец и Василь Василии укатили на дрожках в Кремль, прихватили с собой и Ганьку. Горкин говорит мне, что там лиминация ответственная, будет глядеть сам генерал-и-губернатор Долгоруков. А Ганьку «на отчаянное дело взяли».

У нас пахнет мастикой, пасхой и ветчиной. Полы натерты, но кровать еще не постелили. Мне дают красить яйца.

Ночь. Смотрю на образ, и все во мне связывается с Христом: иллюминация, свечки, вертящиеся яички, молитвы, Ганька, старичок Горкин, который, пожалуй, умрет скоро... Но он воскреснет! И я когда-то умру, и все. И потом встретимся все... и Васька, который умер зимой от скарлатины, и сапожник Зола, певший с мальчишками про волхвов, — все мы встретимся там. И Горкин будет вырезать виноград на пасочках, но какой-то другой, светлый, как беленькие души, которые я видел в поминаньи. Стоит Плащаница, в церкви, одна, горят лампы. Он теперь сошел в ад и всех выводит из огненной геенны. И это для Него Ганька полез на крест, и отец в Кремле лазит на колокольню, и Василь Василич, и все наши ребята, — все для Него это! Барки брошены на реке, на якорях, там только по сторожу осталось. И плоты вчера подошли. Скучно им на темной реке, одним. Но и с ними Христос, везде... Кружатся в окне у Егорова яички. Я вижу жирного червяка с черной головкой с бусинками-глазами, с язычком из алого суконца... дрожит в яичке. Большое сахарное яйцо я вижу — ив нем Христос.

Великая Суббота, вечер. В доме тихо, все прилегли перед заутреней. Я пробираюсь в зал — посмотреть, что на улице. Народу мало, несут пасхи и куличи в картонках. В зале обои розовые — от солнца, оно заходит. В комнатах — пунцовые лампы, пасхальные: в Рождество были голубые?.. Постлали пасхальный ковер в гостиной, с пунцовыми букетами. Сняли серые чехлы с бордовых кресел. На образах веночки из розочек. В зале и в коридорах — новые красные «дорожки». В столовой на окошках — крашенные яйца в корзинках, пунцовые: завтра отец будет христосоваться с народом. В передней — зеленые четверти с вином: подносить. На пуховых подушках, в столовой на диване, — чтобы не провалились! — лежат громадные куличи, прикрытые розовой кисейкой, — остывают. Пахнет от них сладким теплом душистым.

Тихо на улице. Со двора поехала мохнатая телега, — повезли в церковь можжевельник. Совсем темно. Вспугивает меня нежданный шепот:

— Ты чего это не спишь, бродишь?..

Это отец. Он только что вернулся.

Я не знаю, что мне сказать: нравится мне ходить в тишине по комнатам и смотреть, и слушать, — другое все! — такое необыкновенное, святое.

Отец надевает летний пиджак и начинает опрывать лампы. Это он всегда сам: другие не так умеют. Он ходит с ними по комнатам и напевает вполголоса: «Воскресение Твое Христе Спасе... Ангели поют на небеси...» И я хожу с ним. На душе у меня радостное и тихое, и хочется отчего-то плакать. Смотрю на него, как становится он на стул, к иконе, и почему-то приходит в мысли: неужели и он умрет!.. Он ставит рядом лампы на жестяном подносе и зажигает, напевая священное. Их очень много, и все, кроме одной, пунцовые. Малиновые огоньки спят — не шелохнутся. И только одна, из детской, — розовая, с белыми глазками, — ситцевая, будто. Ну до чего красиво! Смотрю на сонные огоньки и думаю: а это святая иллюминация, Боженькина. Я прижимаюсь к отцу, к ноге. Он тербит меня за щеку. От его пальцев пахнет душистым афонским маслом.

— А шел бы ты, братец, спать?

От сдерживаемой ли радости, от усталости этих дней или от подобравшейся с чего-то грусти, — я начинаю плакать, прижимаюсь к нему, что-то хочу сказать, не знаю... Он подымает меня к самому потолку, где сидит в клетке скворушка, смеется зубами из-под усов.

— А ну, пойдём-ка, штучку тебе одну...

Он несет в кабинет пунцовую лампаду, ставит к иконе Спаса, смотрит, как ровно теплится, и как хорошо стало в кабинете. Потом достаёт из стола... золотое яичко на цепочке!

— Возьмешь к заутрене, только не потеряй. А ну, открой-ка...

Я с трудом открываю ноготочком. Хруп — пунцовое там и золотое. В серединке сияет золотой, тяжелый; в боковых кармашках — новенькие серебряные. Чудесный кошелечек! Я целую ласковой руку, пахнущую деревяннным маслом. Он берет меня на колени, гладит...

— И устал же я, братец... а все дела. Сосни-ка лучше, поди, и я по-

дремлю немножко.

О, незабвенный вечер, гаснущий свет за окнами... И теперь еще слышу медленные шаги, с лампадкой, поющий в раздумье голос:

Ангели поют на не-бе-си-и...

Таинственный свет, святой. В зале лампы только. На большом подносе — на нем я могу улечься — темнеют куличи, белеют пасхи. Розы на куличах и красные яйца кажутся черными. Входят на носках двое, высокие молодцы в поддевах, и бережно выносят обвязанный скатертью поднос. Им говорят тревожно: «Ради Бога, не опрокиньте как!» Они отвечают успокоительно: «Упаси Бог, побережемся». Понесли святить в церковь.

Идем в молчанье по тихой улице, в темноте. Звезды, теплая ночь, навозцем пахнет. Слышны шаги в темноте, белеют узелочки.

В ограде парусинная палатка, с приступочками. Пасхи и куличи, в цветах, — утыканы изюмом. Редкие свечечки. Пахнет можжевельником священо. Горкин берет меня за руку.

— Папашенька наказал с тобой быть, лиминацию показать. А сам с Василичем в Кремле, после и к нам приедет. А здесь команду я с тобой.

Он ведет меня в церковь, где еще темновато, прикладывает к малой Плащанице на столике: большую, на Гробе, унесли. Образа в розанах. На мерцающих в полутьме паникадилах висят зажигательные нитки. В ногах возится можжевельник. Священник уносит Плащаницу на голове. Горкин в новой поддевке, на шее у него розовый платочек, под бородашкой. Свечка у него красная, обвита золотцем.

— Крестный ход сейчас, пойдём распорядиться.

Едва пробираемся в народе. Пасочная палатка — золотая от огоньков, розовое там, снежное. Горкин наказывает нашим:

— Жди моего голоса! Как показался ход, скричу — вали! — запущай враз ракетки! Ты, Степа... Аким, Гриша... Нитку я подожгу, давай мне зажигальник! Четвертная — с колокольни. Ми-тя, тама ты?!..

— Здесь, Михал Панкратыч, не сумлевайтесь!

— Фотогену на бочки налили?

— Все, враз засмолим!

— Митя! Как в большой ударишь разов пяток, сейчас на красный-согласный переходи, с перезвону на перезвон, без задержки... верти и верти во все! Опосля сам залезу. По-нашему, по-ростовски! Ну, дай Господи...

У него дрожит голос. Мы стоим с зажигальником у нитки. С паперти падают — идет! Уже слышно:

... Ангели по-ют на небеси-и!..

— В-вали-и!.. — вскрикивает Горкин, — и четыре ракеты враз с шипеньем рванулись в небо и рассыпались щелканьем на семицветные яблочки. Полыхнули «смолянки», и огненный змей запрыгал во всех концах, роняя пылающие хлопья.

— Кумпол-то, кумпол-то!.. — дергает меня Горкин.

Огненный змей взметнулся, разорвался на много змей, взлетел по куполу до креста... и там растаял. В черном небе алым крестом воздвиглось! Сияют кресты на крыльях, у карнизов. На белой церкви светятся мягко, как молочком, матово-белые кубастики, розовые кресты меж ними, зеленые и голубые звезды. Сия-

ет — Х. В. На пасочной палатке тоже пунцовый крестик. Вспыхивают бенгальские огни, бросают на стены тени — кресты, хоругви, шапку архиерея, его трикирий. И все накрыло великим гулом, чудесным звоном, из серебра и меди.

Хрис-тос воскре-се из ме-ртвых...

— Ну, Христос воскрес... — нагибается ко мне радостный, милый Горкин.

Трижды целует и ведет к нашим в церковь. Священно пахнет горячим воском и можжевельником.

...сме-ртию смерть... по-пра-ав!..

Звон в рассвете, неумолкаемый. В солнце и звоне утро. Пасха, красная.

И в Кремле удалось на славу. Сам Владимир Андреич Долгоруков благодарил! Василь Василии рассказывает:

— Говорит — удружили. К медалям приставлю, говорит. Такая была... поддевку прожег! Митрополит даже ужасался... до чего было! Весь Кремль горел. А на Москве-реке... чисто днем!..

Отец, нарядный, посвистывает. Он стоит в передней, у корзин с красными яйцами, христосует. Тянутся из кухни, гусем. Встряхивают волосы, вытирают кулаком усы и лобызываются по три раза. «Христос воскрес!» «Воистину воскрес!»... «Со светлым праздничком»... Получают яйцо и отходят в сени. Долго тянутся — плотники, народ русский, маляры — посуше, порыжее... плотгоны — широкие крепыши... тяжелые землекопы-меленковцы, ловкачи — каменщики, кровельщики, водоливы, кочегары...

Угощение на дворе. Орудует Василь Василич, в пылающей рубахе, жилетка нараспашку, — вот-вот заплачет. Зудят гармоны. Христосуются друг с дружкой, мотаются волосы там и там. У меня заболели губы...

Трезвоны, перезвоны, красный-согласный звон. Пасха красная.

Обедают на воле, под штабелями леса. На свежих досках обедают, под трезвон. Розовые, красные, синие, желтые, зеленые скорлупки — всюду, и в луже светятся. Пасха красная! Красен и день, и звон.

Я рассматриваю надаренные мне яички. Вот хрустальное-золотое, через него — все волшебное. Вот — с растягивающимся жирным червячком: у него черная головка, черные глазки-бусинки и язычок из алого суконца. С солдатиками, с уточками, резное-костяное... И вот, фарфоровое — отца. Чудесная панорамка в нем... За розовыми и голубыми цветочками бессмертника и мохом, за стеклышком в золотом ободке видится в глубине картинка: белоснежный Христос с хоругвью воскрес из Гроба. Рассказывала мне няня, что если смотреть за стеклышко, долго-долго, увидишь живого ангелочка. Усталый от строгих дней, от ярких огней и звонов, я вглядываюсь за стеклышко. Мреет в моих глазах, — и чудится мне, в цветах, — живое, неизъяснимо-радостное, святое... — Бог?.. Не передать словами. Я прижимаю к груди яичко, — и усыпляющий перезвон качает меня во сне.

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в № 27-57)

А епископ Гиппонский с 413 по 427 г. был занят написанием громадной аполонии христианства. Так родилось главное сочинение блж. Августина - многотомная книга "О Граде Божиим", которая имела исключительное влияние на развитие богословской мысли на Западе. В ней Августин рассматривает Церковь как истинный вечный град, существующий для Царства Божия и неподвластный подъемам и падениям империй и цивилизаций. Даже "христианский" Рим не был спасен от принесенного варварами хаоса и разрушения. Августин никогда не уравнивал интересы Царства Божия и Римской империи. Конечно, правительство могло играть позитивную роль, сохраняя мир и свободу. Но напавшие на Империю варвары не были непременно врагами Града Божия. Теперь перед Церковью лежала новая задача - обратиться ко Христу своих новых варварских

правителей.

В своей книге Августин переходит от критики языческих религии и философии к оценке правительства и общества. В самом названии "О Граде Божиим" содержится скрытая полемика с платоновской "Республикой". Подлинная цель жизни человека, пишет Августин, находится за пределами этого мира. Никакое земное государство не может предоставить ему безопасность от внешних нападений и внутренних нестроений. Земное правительство само по себе неплохо, но оно весьма ограничено. Но и Церковь на земле не полностью идентична с Градом Божиим. В ней могут быть волки, так же как вне ее могут быть овцы. Церковь существует для Царства Божия, и лишь Сам Бог знает Своих избранных. Так что смысл истории - не в движении внешних событий, но в скрытой от глаз драме греха и искупления.

Взгляды Августина отличались край-

ним пессимизмом в отношении человеческой природы; все человечество, по его мнению, является массой осужденных - *massa damnata*; лишь некоторые предназначены Богом ко спасению. Таким образом, блж. Августин проповедовал предопределение праведников, которые одни будут спасены. Человек полностью зависит от божественной благодати, которая одна его спасает. Без благодати ничего не возможно. Человеческая воля, пораженная грехом, никак в спасении не участвует.

По справедливости все человечество должно быть послано в ад. Однако Бог по Своему милосердию избирает некое меньшинство душ человеческих для спасения, используя Свое божественное предопределение, предшествующее всем людским заслугам. Жаловаться, что это несправедливо, - значит отказываться признать всю тяжесть вины за первородный грех Адама и еще большей

вины - за личные грехи каждого человека.

Понятно, что при таком пессимистическом взгляде на человека учение о предопределении совершенно необходимо. Если человек настолько испорчен, что он более не имеет свободы воли для делания добра, лишь Божественная благодать может это сделать за него; но благодать дается лишь тем, кого избрал Сам Господь в Своем предопределении. Цель Бога - это довести Своих избранных до Своего Царства. Следовательно, эмпирический тест действия благодати на человека проявляется в постоянном добре его характера до самого конца его жизни, некоем "преферении до конца", которое и является заранее предопределенным даром Божиим, независимым от заслуг человеческих.

Именно это учение и вызвало возражения самого известного богословского противника Августина.

4. Около 411 г., когда Августин был в отлучке из своего города, в него прибыл видный беженец из Рима. Он направлялся в Палестину и хотел нанести визит уважения знаменитому африканскому епископу. Это был британский монах Пелагий, проживший несколько лет в Риме и приобретший там значительную популярность как моралист и духовный руководитель. Ему так и не удалось встретиться с Августином, и он отбыл в свои края. После посещения многих стран Пелагий поселился в Иерусалиме, где, в отличие от блж. Иеронима, имел самые лучшие отношения с местным священноначалием; вскоре вокруг него собралась значительная группа его духовных чад и последователей. Однако в Карфагене остался его друг, юрист Целестий, чья красноречивая защита взглядов Пелагия и критика учения Августина вскоре вызвала целую бурю в Африке.

Пелагий отличался строгостью жизни и того же требовал от своих учеников. Они должны были жить в согласии с заповедями Божиими, изучать Писание, раздавать свое имущество и стремиться к святости. Он имел многих последователей, направившихся за ним в Палестину. Пелагия искренне печалили нравы высшего римского общества, весьма легкомысленно относившегося к евангельским призывам. Ему глубоко претило манихейски-пессимистическое воззрение на человеческую природу, которое, как ему показалось, все больше проникает в Церковь. В то время в Риме были широко распространены принадлежавшие неизвестному комментатору толкования посланий св. Павла. Из слов св. Павла в

пятой главе Послания к Римлянам (12 стих): "Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили" - автор толкований выводил, что в Адаме мы все согрешили скопом, и замечал, что передача греха потомству Адама означает, что души человеческие происходят от родителей, так же как и тела (более подробный разбор этих слов апостола Павла см. ниже, в главе XI).

Все это чрезвычайно не нравилось Пелагию, написавшему собственный комментарий на послания св. Павла, где он утверждал, что грех Адама не передается через репродуктивный процесс и что грешим мы добровольно, подражая падению Адама, будучи развращенными внешним окружением и последовательными ошибками, ослабляющими нашу волю. Пытаясь более четко выразить свою точку зрения, Пелагий договорился до отрицания наследственности первородного греха и утверждений, что смерть есть природное свойство человека, что грех Адама ничего не изменил в природе человека и что человек может спастись без помощи Божией. Благодать нужна только как указание пути. Человеческое естество нейтрально; ему не присущи ни добро, ни зло. Грех коренится лишь в нашей собственной воле. Новорожденные младенцы не являются носителями зла и греха - их можно назвать греховными лишь в потенци. Отсюда легко было сделать вывод, что крещение младенцев бессмысленно. Справедливости ради нужно сказать, что сам Пелагий никогда этого вывода не делал, а на прямые во-

просы отвечал, что слова Христа о том, что никто, не рожденный свыше (т.е. некрещеный), не может войти в Царствие Небесное, относятся и к младенцам. Но, продолжал Пелагий, было бы абсурдным предположить, что милосердный Господь может приговорить невинных младенцев к аду: наверное, должно быть некое третье место, куда они и попадают.

Блж. Августин отвечал, что от плоти рождается плоть. Причина этого - похоть, в которой мы все повинны. Половые отношения, говорил Августин, в принципе, грех, который лишь отчасти может быть смягчен целью зачатия ребенка в законном браке.

Вначале блж. Августин писал Пелагию очень вежливые письма с опровержением его теорий, но постепенно полемика накалялась. Жару в нее подбавил Иероним, когда Пелагий имел неосторожность высказать критические замечания на весьма оригенистские толкования Иеронимом Послания св. Павла к Ефесянам. Именно тогда Иероним обозвал Пелагия "жирным сом", чье брюхо набито шотландской овсянкой".

В 415 г. Августин послал к Иерониму своего молодого друга из Испании, Оросия. Тот по совету Иеронима публично объявил в Иерусалиме, что доктрины Пелагия были осуждены как еретические на Африканском Соборе: в них-де отрицается первородный грех и нужна человеку в благодати. Это вызвало целую бурю в Палестине, где Пелагий пользовался большой популярностью и авторитетом. В Иерусалиме был созван собор, который оправдал Пелагия. Но в 415 г.

был созван повторный собор в Лидде, на котором Пелагий, проясняя свою позицию, был вынужден пойти на значительные уступки.

Однако Августин, тщательно изучивший стенограмму собора, нашел раскаяние Пелагия неполным и неискренним. Он созвал собственный собор в Карфагене, на котором пелагианство, несмотря на все уступки, сделанные его основоположником, было вновь осуждено.

Тогда Пелагий направил апелляцию в Рим к папе Зосиме (417-419), и тот, под глубоким впечатлением от высоких нравственных стандартов пелагиан и их нелицеприятного уважения к апостольскому престолу, написал африканцам, что те, видимо, внимали искаженным изложениям доктрины Пелагия, а в действительности он вполне православен. Африка буквально взорвалась. Папа испугался такой реакции и заколебался в своем решении, а тем временем Августин, используя свой авторитет при имперском дворе в Равенне, добился публикации 30 апреля 418 г. имперского эдикта об изгнании из Рима пелагиан, как представлявших угрозу общественному спокойствию. Под таким давлением папа сдался и опубликовал официальное осуждение Пелагия и Целестия. Таким образом, пелагианство было осуждено на Западе. Целестий с друзьями направился с апелляциями к Александрийскому, а затем к Константинопольскому патриарху - а им в то время (428 г.) был Несторий, который скомпрометировал себя, приняв и выслушав их. В конце концов пелагианство было осуждено и на Востоке (III Вселенский Собор).

5. Но и крайние утверждения блж. Августина вызвали реакцию на Западе и не были всеми приняты. Они легли в основу спора между учеником блж. Августина Проспером Аквитанским и св. Иоанном Кассианом Марсельским.

Св. Иоанн Кассиан, ученик св. Иоанна Златоуста, посланный в Рим для защиты своего учителя, поселился в 410 г. в Марселе и основал там монастырь св. Виктора. Оспаривая взгляды блж. Августина на благодать и предопределение, он и насельники монастыря на острове Лерин, возглавляемые монахом Викентием, выступили с защитой православного учения, ссылаясь на восточную традицию. В отношении первородного греха они учили, что человек создан по образу и подобию Божию и что его природа предрасположена к добру, но что грех затемнил ее. Это противоречило учению блж. Августина, говорившего, что благодать дана вне человеческой природы и отнята при грехопадении.

По свидетельству его противников, Пелагий утверждал, что человек духовно здоров и поэтому не нуждается ни в благодати, ни в таинствах. Блж. Августин, со своей стороны, учил, что человек мертв

вследствие греха и может спастись только благодатью, а его воля не играет в спасении какой-либо роли. По православному учению св. Иоанна Кассиана и леринских монахов, благодать необходима не только как призыв, но как постоянная помощь, а человек сам должен участвовать в своей борьбе с грехом. К сожалению, ни св. Иоанн Кассиан, ни св. Викентий Леринский не могли сравниться по популярности, влиянию и силе аргументации с Августином, и в конце концов стараниями яркого августианина Проспера Аквитанского их учение было заклеено как полупелагианство, хотя на самом деле их лучше назвать полуавгустинцами - ибо они соглашались с ним по всем пунктам, кроме учения о предопределении и предшествующей благодати. (Более подробный рассказ о богословии леринских монахов см. в гл. XVI, 2.)

Итак, глубокий пессимизм блж. Августина в отношении природы и воли человека выразался в его идеях, что далеко не каждый человек может спастись и что вне Церкви и сообщаемых ею таинств не может быть спасения. Учение блж. Августина о благодати и природе человека

имело исключительное влияние на римокатолическое богословие, а его учение о предопределении было воспринято в XVI в. Кальвином и Цвингли.

6. Тринитарное учение блж. Августина, выраженное в лучших традициях западного богословия, исходит из единства Бога. Для иппонского епископа ипостаси являются неким выражением сущности, следовательно, их различия лишь относительны. Если "Отец и Сын - одно", то и Дух, Который Августин рассматривает как дар, имеет источником Сына в той же степени, что и Отца. Такой подход неизбежно приводит к выводу о некоей второстепенности Духа. Подобное богословское понимание Св. Троицы послужит удобным оправданием для "filioque", допавление которого к Символу Веры получило на Западе догматическое обоснование.

Протопр. Иоанн Мейендорф пишет: "Как уже отмечалось, богословие Августина исходит из интуитивного философского утверждения, что Бог един. Все суждения о Св. Троице строятся на основе этого утверждения. Этот подход имел очень серьезные последствия для западного богословия. На общедоступном

уровне реальность Св. Троицы быстро утратила смысл и превратилась в нечто вроде никому не нужного философского дописка. Многие современные западные христиане верят в Бога Отца, в Христа, а о Троице не имеют ни малейшего представления. Это происходит не от интеллектуального безразличия, а от деистического понимания Бога как философски единой Сущности. Пожалуй, в конечном счете эти различия между восточным и западным подходом к Св. Троице имеют большее значение, чем вопрос о "filioque" как таковой. Проблема подробно обсуждается В.Н. Лосским в терминах различий между духом восточного и западного христианства. На Востоке царствуют первенство Духа (выражающееся, например, в евхаристии как эпиклезе), свобода, мистицизм. На Западе Дух находится в подчиненном положении: отсюда иная церковная иерархия, другое понимание таинств, боязнь мистицизма. Лосский настолько увлекся этой идеей и даже настаивал, что западные взгляды на Духа Святого имеют прямое отношение к возникновению папства".

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

Блж. Августин был замечательным епископом и видным церковным деятелем Африки, незаменимым участником всех африканских соборов. Его громадная популярность и влияние позволили ему внести большой вклад в законодательную деятельность африканской Церкви. Так, например, в 419 г. он активно участвовал в деле священника Апиария, смещенного местным синодом. Апиарий обратился с жалобой к папе, который восстановил его в сане. Африканская Церковь воспротивилась вмешательству Рима в ее дела. Это дало Августину повод написать резкое письмо против папы от имени африканского епископата. Как уже говорилось выше, блаженный Августин скончался 28 августа 430 г. во время осады Гиппона армией вандалов. Римская империя в Африке умерла вместе с ним.

XI. Послание апостола Павла к Римлянам, 5:12 в понимании св. Иоанна Златоуста и блж. Августина

1. Двенадцатый стих пятой главы Послания апостола Павла к Римлянам до-

2. С совершенно другим подходом к проблеме первородного греха и спасения мы сталкиваемся на Западе. Подход этот во многом опирался на неточность латинского перевода двенадцатого стиха пятой главы послания апостола Павла к Римлянам в Библии блж. Иеронима - "Вульгате".

Еф ω было переведено, как имеющее мужской род, но было отнесено не к слову "смерть", а к слову "человек" (Адам), который упоминается в самом начале фразы. Отсюда и вышло знаменитое "in quo omnes peccaverunt" ("потому что в нем все согрешили" синодального перевода).

Из этого перевода вытекает толкование блж. Августина, что все человечество присутствовало таинственным образом в лоне Адама в момент его грехопадения, разделив таким образом его грех. Следовательно, юридическая виновность в первородном грехе, передаваемая потомкам через акт зачатия, лежит на всем человечестве.

"Итак, с этого момента, как "одним человеком грех вошел в мир и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, так как в нем все согрешили" (Рим.5:12), вся масса погибающих

волью сложен для перевода. По-гречески вторая часть стиха звучит так: "...καὶ οὕτως εἰς πάντας ἀνθρώπους ὁ θάνατος διήλθεν, ἐφ' ὃ πάντες ἥμαρτον".

Наибольшая сложность возникает при переводе εφ ω (потому что) из-за того, что грамматическая форма этого союза допускает как средний, так и мужской род.

Если предпочесть средний род, то перевод будет звучать так: "...тем самым во всех людей перешла смерть, потому что все согрешили". Однако смысловая анализ обнаруживает неудовлетворительность такого перевода, так как он выпадает из контекста послания и идет вразрез со всем учением апостола Павла о первородном грехе.

Если принять, что εφ ω - мужского рода, то перевод получается такой: "...тем самым во всех людей перешла смерть, через которую все согрешили". Такой перевод находится в полной гармонии с мыслью апостола Павла и представляется более приемлемым, чем первый.

Именно так понимали этот стих восточные отцы Церкви, так понимал его св. Иоанн Златоуст. Смерть представляется ему космической реальностью, введенной в мир грехом. Через грех Адама этот мир попал под власть дьявола - узурпатора и тирана, правящего миром посред-

(massa damnata) перешла во власть губителя. Так что никто, совсем никто не свободен от этого и не освободится иначе, как благодатью Иискупителя" ("О христианской благодати").

Подобное толкование привело блж. Августина к крайности детерминизма и к фактическому отрицанию человеческой свободы, которую, будучи христианином, он никак не мог отрицать. В результате он оказался в ножницах искусственной антиномии, созданной им самим. Блж. Августин попытался разрешить это противоречие путем разделения свободы на "естественную", или "психологическую", свободу, составляющую общую форму воли, т.е. психологическую самостоятельность самого акта хотения, и свободу по отношению к нравственному содержанию и качеству воли, т.е. свободу от греха. При этом возможны следующие градации: 1) невозможность грешить, присущая одному Богу; 2) возможность не грешить, т.е. сводный выбор между добром и злом, присущий Адаму и потерянный после грехопадения; 3) невозможность не грешить, или свободу только к одному злу, являющуюся нашим нынешним состоянием.

Блж. Августин считает, что добро воз-

можно в человеке только через действие благодати, но тут он попадает в логическую ловушку, ибо для того, чтобы человек захотел действия благодати, нужно было, чтобы сама благодать подействовала в нем. Таким образом отрицалась даже куца "свобода хотения".

"Желая согласить свой взгляд с общепринятым, Августин... как будто допускает, что хотя человеческая воля по необходимости сопротивляется всякому действию благодати, но что от нее зависит больше или меньше сопротивляться, - но такое различие степеней не имеет логического смысла, потому что меньшая степень внутреннего сопротивления добру есть уже некоторое действительное добро и, как такое, зависит исключительно от самой благодати", - писал В. Соловьев.

Как считал блж. Августин, со времени грехопадения Адама все его потомство наследует некую "злую волю", и спасение его зависит исключительно от благодати Божией, которая сообщается независимо от заслуг каждого данного человека. Она дается даром - по свободному выбору и предопределению Бога.

Передача наследственной греховности, злой воли связана с процессом вос-

производства потомства. Убеждение, что девство выше брака, являлось для Августина доказательством того, что физическая близость никогда не может быть свободной от похоти и сладострастия. Во всяком случае, говорил он, сама практика крещения младенцев предполагает, что младенцы уже отравлены грехом, а так как они сами еще не успели совершить никакого греха, прощение должно касаться вины, как бы "встроенной" в их природу, поэтому, если младенец умрет некрещеным, он будет осужден, хотя, возможно, и некоей "более мягкой" формой осуждения.

Именно в таком понимании греха и свободы человека коренится римско-католический догмат непорочного зачатия Девы Марии. Тут он необходим логически: ведь Богородица просто обязана быть исключена из подлежащей осуждению греховной "погибающей массы". Ведь если Она - непорочная Дева, она не может не быть "амнистирована" от "первородной вины".

Таковы вкратце богословские импликации двенадцатого стиха пятой главы Послания апостола Павла к Римлянам.

Таковы вкратце богословские импликации двенадцатого стиха пятой главы Послания апостола Павла к Римлянам.

Таковы вкратце богословские импликации двенадцатого стиха пятой главы Послания апостола Павла к Римлянам.

XII. Третий Вселенский Собор

1. Итак, II Вселенский Собор подвел черту под тринитарными спорами. Трагедия св. Иоанна Златоуста произошла в богословское междуцарствие. Теперь время поставило новый вопрос: вопрос о Личности "исторического Иисуса". Как в Личности жившего на Земле в конкретном месте в конкретное время Иисуса из Назарета совмещались божественные и человеческие черты? Церковь знала, что Он был и Богом, и человеком. Но как это было возможно? Как Божество и человечество совмещались в одной Личности? Объяснить это было чрезвычайно важно, т.к. от правильного понимания Боговоплощения зависело его сoterиологическое значение - т.е. наше спасение.

Как мы уже говорили, в IV в. существовали две интеллектуальные школы, по-разному подходившие к христологической проблеме: александрийская и антиохийская.

Разность их подходов современные ученые попытались выразить следующими противопоставлениями: Александрия - аллегория, эллинский ум, платоновские методы; Антиохия - конкретика, семитский ум, аристотелевские методы. Но, конечно, эти противопоставления далеко

не абсолютны и в значительной степени условны. Достаточно сказать хотя бы то, что главными богословами и той и другой школы были греки, мыслившие вполне в эллинских категориях. И в трудах такого типичного представителя антиохийской школы, как св. Иоанн Златоуст, столь же трудно найти какое-либо семитское влияние, сколь и в писаниях св. Афанасия Александрийского.

Думается, можно более удачно выразить разницу между двумя школами в двух формулах христологической мысли: в Антиохии богословы говорили о Слове вочеловечившемся, а в Александрии - о Слове воплотившемся (ключевым текстом тут является Ин.1:14: "Слово стало плотью"). Или, согласно о. Георгию Флоровскому, Антиохия представляла традицию "антропологического максимализма" и никогда не упускала из виду полностью человеческой природы Христа, тогда как Александрия говорила в первую очередь о божественности Слова, ставшего плотью, т.е. телом, разрабатывая традицию "антропологического минимализма".

При этом следует отдавать себе отчет в том, что евангелист Иоанн, хотя и писал по-гречески, мыслил в категориях иудейской традиции. Для него слово "плоть" (евр. - басар) носило оттенок не

чисто материальной реальности, а обозначало живое тварное существо вообще, единство души и тела. Обвинять александрийцев в том, что они упускали из виду живую душу Спасителя, было бы несправедливым. Однако, читая их учение по-гречески, т.е. на языке, в котором понятия материального и духовного различались очень четко, можно было подумать, что в александрийской христологии Бог-Слово воспринял лишь материальную сторону человечности, т.е. плоть как тело, а не как полноту душевно-телесной человеческой природы. Александрийская школа, доведенная до крайности, была чревата докетизмом - растворением человечества Христа в Его Божестве. Антиохийская же, также в крайности своей, могла привести к адопционизму.

Мы уже говорили о знаменитом антиохийском учителе **Диодоре Тарсийском** и о тех двусмысленных выражениях, которые он допускал. Например, обсуждая "рожденную" природу Христа, Диодор возражал против утверждения, что Бог-Слово родился дважды: один раз "прежде всех век", а второй раз - как человек, от Марии Девы. Диодор предпочитал говорить, что согласно Своей природе Христос рожден от Отца до начала времен как Бог, тогда как Тот, Кто родился от Марии, сделался Его храмом, Его

(если только станем бодрствовать), но даже имеем пользу от того, что сделались смертными. Первая наша от этого выгода та, что мы грешим не в бессмертном теле, а вторая та, что это доставляет нам тысячи побуждений к любомудрию. Предстоящая и ожидаемая нами смерть располагает нас быть умеренными, целомудренными, воздержными и удаляться всякого зла".

Сказав это, св. Иоанн возвращается ко взаимоотношению греха и смерти и ко значению благодати, принесенной в мир Христом: "...апостол представляет грех в положении царя, а смерть в положении воина, который находится под его властью и им вооружается. Итак, если грех вооружил смерть, то... праведность, сообщаемая благодатью и уничтожающая грех, не только обезоруживает смерть, но уничтожает ее и ниспровергает все царство греха, поскольку она сильнее греха, произошла не от человека или дьявола, но от Бога и благодати, и ведет нашу жизнь к более совершенному и бесконечному благу; этой жизни даже и конца не будет... Грех лишил нас настоящей жизни, а явившаяся благодать даровала нам не только настоящую, но и бессмертную и вечную жизнь".

Таковы вкратце богословские импликации двенадцатого стиха пятой главы Послания апостола Павла к Римлянам.

Таковы вкратце богословские импликации двенадцатого стиха пятой главы Послания апостола Павла к Римлянам.

Таковы вкратце богословские импликации двенадцатого стиха пятой главы Послания апостола Павла к Римлянам.

Такого рода понимание логично и может быть подкреплено образами из Писания. Например, в 9-й главе книги Притчей говорится, что Премудрость выстроила себе дом на семи столбах. Антиохийцы понимали Премудрость как Логос, а храм как человечество Иисуса Христа.

И действительно, в Ин.2:19-21 Спаситель говорит о Своем теле как о храме. Исходя из такого в некотором отношении буквального толкования отдельных библейских текстов, Диодор говорит о Сыне Божием и об Иисусе, Сыне Марии (Который есть лишь храм, обитель Слова), как "о двух сынах". Но, как мы уже писали, сам Диодор, при всей двусмысленности ряда своих выражений, остался в границах Православия и числится в наших святцах как исповедник и учитель Церкви.

Другим важным антиохийским автором был **Феодор Мопсуэстийский** (+428 г.), современник и друг св. Иоанна Златоуста. Он был великим экзегетом и оставил нам множество комментариев на Писание. Он также полемизировал против Аполлинария и в этой своей полемике зашел слишком далеко. Можно сказать, что он, а не его ученик Несторий, и был настоящим несторианином.

(Продолжение на стр.8)

История Православной Церкви

Личность Христа у Феодора явно двоится. Различая между Богом и человеком во Христе, он раздваивает Его Личность. По его мнению, лишь в виде благочестивого преувеличения можно говорить, что Бог страдал и умер или что Иисус творил чудеса, но настоящий богослов знает, что это не так. То же самое относится и к слову "Богородица". Земная женщина не может родить вечного Бога, и следовательно, называть так Деву Марию может лишь безграмотный крестьянин.

Когда Феодора спрашивали прямо, он говорил, что Христос одно Лицо. Но термин, который он употреблял, - это "просопон", а не "ипостась". Греческое слово "πρόσωπον" означает скорее маску, личину, т.е. то, что не имеет глубокой и неотъемлемой внутренней связи с личностью, что-то, что можно легко надеть, а затем так же легко снять. Понятно, что это слово весьма плохо выражает идею ипостасного единства двух природ Спасителя. У Феодора две природы - две ипостаси лишь соприкасаются (συνάφεια - сцепление) в одном просопоне, что предполагает возможность разделения.

Говоря о Деве Марии, родившей двух

Орест также покровительствовал известной философессе, профессору неоплатонической философии Ипатии, знаменитой своей красотой и добродетелью. В окружении св. Кирилла Ипатию считали вдохновительницей административных мер Ореста в пользу религиозной терпимости. В 415 г. толпа напала на нее на улице и буквально растерзала ее на части. Многие историки обвиняют в этом Кирилла, но нет ни малейших доказательств того, что это убийство произошло с его ведома и одобрения. Скорее всего, нет, ибо, при всем своем горячем темпераменте, он был против ничем не спровоцированного самосуда толпы.

Все эти страшные события следует рассматривать в соответствующем контексте - в контексте борьбы язычества и христианства, о которой мы уже говори-

Однако истинные просвещенные христиане понимают всю абсурдность такого словоупотребления.

Лишь имя "Христос" обозначает обе природы, и лишь к нему можно применить и Божественные, и человеческие действия и признаки. Но к имени "Бог" дозволительно относить лишь действия божественные. К Иисусу как человеку - только человеческие. Нельзя сказать "предвечный младенец" или "Бог питался молоком". Ну и так далее...

Несторий не скрывал своих взглядов и даже сам рекламировал их, рассылая свои проповеди другим епископам - в частности, и в Рим, и в Александрию. Св. Кирилл Александрийский, почитав проповеди Нестория, насторожился. А тут еще в Константинополь прибыли четыре александрийских клирика с жалобами на Кирилла. Император Феодосий отправил их к Несторию. Тот, разобрав их дело, нашел их правыми и послал Кириллу письмо со строгим выговором. Этого уж властный Александрийский папа никак не мог стерпеть.

В конце 428 г. в своем очередном окружном послании, где объявлялась дата Пасхи, св. Кирилл открыто подверг резкой критике учение Нестория. Критика продолжилась в "Послании к монахам" и в письме к самому Несторию с просьбой пресечь вызванный им "вселенский соблазн".

сынов - человека и Бога, Феодор, по существу, впадает в адопционизм. Его богословие можно понять лишь однозначно: Мария родила ребенка, в которого пожелал вселиться Бог.

Павел Самосатский считал, что Иисус был усыновлен при крещении. Празднование Рождества в ранней Церкви началось во многом как реакция на такое понимание природы Спасителя: празднование рождественского цикла указывало на то, что Христос был Богом с самого начала человеческой жизни.

Феодор же утверждал, что усыновление произошло еще во чреве матери, путем объединения "двух сынов". Это и явилось богословской базой для несторианства и причиной того, что сам Феодор был осужден как еретик в 553 г.

2. Богословие Феодора Мопсуэстийского о воплощении для александрийцев звучало не только как антиполлианизм, но и как вызов всей их богословской традиции.

С 412 по 444 г. папой Александрийским был свт. Кирилл (племянник Феофила). Кирилл - блестящий богослов - был убежденным противником Феодора Мопсуэстийского. В своем комментарии к

ли. Христиане видели в язычестве страшную ложь, порабащую человека, и страшный соблазн для своих собратьев.

Чтобы оценить по достоинству личность свт. Кирилла, нужно обратиться к его богословским взглядам и писаниям. И тут мы видим совсем другое...

3. В апреле 428 г. в Константинополе повторилась история, очень напоминающая историю с приглашением Иоанна Златоуста: на пост архиепископа был вновь приглашен блестящий проповедник, ученый и аскет из Антиохии - игумен одного из тамошних монастырей, **Несторий**.

Несторий сразу же дал понять, что стремится оказаться на уровне своего знаменитого предшественника. Главной своей задачей он объявил борьбу с ересями, и прежде всего с аполлианизмом. Во вступительной речи, обращенной к императору, Несторий заявил ему: "Дай мне землю, очищенную от еретиков, и я

Главным в богословии свт. Кирилла является наше спасение. Вся сущность спасения, весь смысл христианства, по св. Кириллу, - в единстве Бога и человека во Христе, в той единственной Личности, в Которой все люди "соприкасаются" с Отцом. В несторианском отвержении слова "Богородица" он увидел умаление и отрицание этого факта. Св. Кирилл ввел понятие "**ипостасного единства**" двух природ Христа. Став Эммануилом, Бог-Слово сделал человеческую природу с ее телом Своей собственной, поэтому можно сказать, что Сам Бог родился, возрел, голодал и жаждал, страдал и умер. Для св. Кирилла плоть Иисуса была воистину телом Бога, Его рука - рукой Бога и т.д. Следовательно, Дева Мария была воистину Матерью Божией - Богородицей.

Для спасения человека Бог должен в действительности стать человеком, воспринять человеческую природу, человеческое естество. Если же эта встреча Бога и человека не состоялась во Христе, то тем более невозможна она и для нас, а следовательно, невозможно и наше спасение.

Отвечая Несторию, св. Кирилл говорит: да, мать - не "душеродица", точнее - не только "душеродица". Ведь человек состоит из души и тела, но он не есть "душа и тело". Ведь мы называем человекоубийцу "душегубом" - по важнейшей

Евангелию от Иоанна он, не называя имен, резко критикует тех, кто считает Христа лишь главным примером пророческого вдохновения и благодати, и тех, кто говорит о "двух различных природах" после их соединения. Тем не менее эта дискуссия осталась лишь письменной. Феодор был очень миролюбивым человеком. Он поддерживал добрые отношения с Кириллом и даже посвятил ему свой комментарий на книгу Иова.

Однако в конце концов спор перешел в открытую фазу. Св. Кирилл Александрийский был не только богословом, но еще и политиком, весьма страстным человеком и пламенным борцом - причем не только кабинетным. Он боролся с остатками древних ересей, а также с иудаизмом и языческой культурой.

Интеллектуальная элита столицы Египта все еще оставалась языческой. Префект Египта Орест очень серьезно относился к своим обязанностям защиты фактической свободы веры, что весьма раздражало христиан, а особенно монахов. Кирилл был в открытой конфронтации с ним. Одной из трудных задач префектуры была защита евреев от погромов. Во время одного из бурных столкно-

дам тебе небо. Царь, раздави со мною еретиков, и я раздавлю с тобою персов".

Через пять дней после вступления в должность Несторий распорядился о закрытии арианской церкви в Константинополе. Ариане (т.е. наемники-готы, из которых состояла имперская гвардия) тут же подожгли ее, после чего сгорел весь квартал, а Несторий получил кличку "Поджигатель". По настоянию нового архиепископа правительство возобновило все старые законы против еретиков. Несторий организовал настоящее гонение. Все секты были вновь объявлены незаконными, их храмы отбирались, а имущество конфисковывалось. Новый архиепископ весьма быстро восстановил против себя жителей столицы, запретив с церковной кафедры театры, пение, концерты, танцы и атлетические состязания.

Но наибольшее противостояние Несторию началось, когда он ополчился против термина "**Богородица**", ссылаясь на

части человека. Следовательно, и название Богородица - самое верное.

Согласно св. Кириллу, спасение для нас осуществляется путем жизни в Церкви и достигает каждого человека через Евхаристию. Без животворящего Слова Божия, находящегося в мистическом и реальном единстве с плотью, евхаристия становится людоедством, а участие в ней - бессмыслицей. В Евхаристии Дух обожествляет человеческую плоть Иисуса, и, приобщаясь к ней, мы спасаемся через участие в жизни Бога.

Эта "**теоцентричность**" и "**антропологический минимализм**" христологии св. Кирилла мешали ему говорить о человеческих качествах Христа. Опасность виделась ему с другой стороны, и поэтому он несколько пренебрегал подчеркиванием человеческой природы Спасителя.

Другая слабость позиции св. Кирилла - нечеткая терминология, в частности - взаимозаменяемое употребление слов "ипостась" и "природа". Он использовал выражение Аполлиниана: "**единая природа Бога Слова воплощенная**" (μία φύσις του Θεου Λόγου σεσαρκωμένη) - правда, и не подозревая об источнике формулы: св. Кирилл думал, что она принадлежит св. Афанасию.

Ошибка свт. Кирилла состояла в том, что он в пылу полемики не сумел последовательно применить христологию от-

вений Орест арестовал вождя толпы погромщиков Иерака и наказал его как провокатора. Приверженцы Кирилла стали угрожать евреям расправой. Евреи не выдержали и напали первыми, устроив превентивный погром. Христиане ответили разгромом синагоги и всего еврейского квартала, что на следующее утро было одобрено Кириллом как мера необходимой самообороны. Таким образом, Орест имел все основания считать Кирилла силой бунтарской и весьма серьезной, тем более что Кириллу повинувалась целая армия нитрийских монахов. Разгромив у себя оригенизм, они искали, кого бы погромить еще. Кто-то натравил их на "язычника" Ореста. Толпа монахов бросилась штурмовать его дом, а один из них, Аммоний, бросив камень, даже раскровил Оресту голову. Орест отдал приказ войскам оттеснить их. В возникшей сумятице Аммоний был задавлен насмерть. Кирилл демонстративно устроил ему торжественные похороны и объявил его мучеником. Правда, историк Церкви Сократ ехидно замечает, что если Аммоний и был жертвой, то только собственной глупости.

своего учителя Феодора Мопсуэстийского, писавшего: "Безумие говорить, что Бог родился от Девы. Родился от Девы тот, кто имеет природу Девы, а не Бог-Слово... Родился от Девы тот, кто от семени Давида". Но писания Феодора не были известны вне круга ученых-богословов, а Несторий стал проповедовать все это с амвона.

Он говорил, что Дева Мария родила человека Эммануила, с которым соединилось, сцепилось (ср. συνάφεια) предвечное Слово Божие. Следовательно, она не Богородица, а Человечородица, или Христородица. Можно даже говорить Богоприимица (Θεοδόχος), но не Θεοτόκος (Богородица). Ведь всякая мать рождает только тело, а душа - от Бога. Нельзя же мать назвать "душеродицей". Конечно, говорил Несторий, если неграмотной черни нравится говорить "Богородица", то пусть ее - в виде благочестивого преувеличения мы можем допустить это.

цов-каппадокийцев, т.е. установленное ими различие между "ипостасью" и "природой", к своим христологическим высказываниям. Помимо этого, он слишком большой упор делал на божественности Христа в ущерб Его человеческой природе. Этот перегиб Кирилловского богословия будет выправлен лишь на Халкидонском Соборе.

4. Но вернемся к письму св. Кирилла Несторию с опровержением его взглядов. Новый архиепископ Константинопольский слишком хорошо помнил прецедент со Златоустом. Он больше не позволит "фараону" торжествовать над собой. 6 декабря 428 г. в соборе св. Софии он громко провозглашает свои взгляды и начинает жестокое преследование противников среди столичного духовенства. Агенты Кирилла начали распространять в Константинополе слухи, что Несторий не любит термина "Богородица", т.к. он не верует, что Христос - Бог. Учение Нестория стали сравнивать с учением адопциониста III в. Павла Самосатского. Однако Нестория поддерживали император Феодосий II и его жена Евдокия. Св. Кирилл прибег к помощи сестры императора Пульхерии (августы), выступавшей против антиохийца.

(Продолжение в №59)

Редактор: Протоиерей Максим Липунов
Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова
Электронная почта: lipunov.net@mail.ru
Сайт прихода: kuz.prihod.ru

Адрес:

654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево, ул. Советская, 25.
Тираж: 300 экз.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах.
Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям, если стала ветхой, сожгите.